

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД
ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

1945–1953 гг.

МАТЕРИАЛЫ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Тверь, 4–6 декабря 2014 г.

ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР

РОССПЭН
Москва
2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)631
С56

Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. : Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М. : Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. – 719 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-1973-6

Седьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам позднего сталинизма, особого этапа в истории советского государства и общества – от победы в Великой Отечественной войне до смерти Сталина. Этот период был отмечен взаимодействием ряда противоречивых тенденций. Одни из них демонстрировали апогей сталинской системы. Другие – складывание предпосылок для ее трансформации в несталинскую авторитарную модель советского социализма. К числу первых относились усиление личной власти Сталина; проведение масштабных идеологических и репрессивных кампаний; экспансия ГУЛАГа; консервативная социально-экономическая политика. К числу вторых – реформистские ожидания советского общества, порожденные победой; кризисные явления в экономике, вызванные, прежде всего, стагнацией сельского хозяйства и социальной сферы; дестабилизация ГУЛАГа.

В конференции приняли участие специалисты из Австралии, Армении, Беларуси, Германии, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Литвы, России, США, Украины, Франции и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-8243-1973-6

© Коллектив авторов, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

Р. Лаукайтис

СОВЕТСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИТВЕ: РЫЧАГИ ИНДОКТРИНАЦИИ ОБЩЕСТВА, 1944–1953 гг.

С установлением сталинского режима в оккупированной Литве начались социальные и экономические реформы, сопровождаемые репрессиями и масштабной пропагандой советского образа жизни, советских ценностей. Была сделана ставка на тот стандарт политической культуры, который сложился в СССР за предыдущие десятилетия, включая корректировки принесенные войной. Притом перестройка социального и экономического уклада страны должна была быть воплощена быстро, чтобы показать Литву (как и всю Прибалтику) советской, подтвердить легитимность «возвращения освобожденных территорий» в состав Советского Союза.

Глядя из Москвы, в 1944 г. Прибалтика была воспринята как регион, «возвращенный в семью республик СССР», т. е. советский с 1940–1941 гг. Это предопределило политику, грубые формы управления «на собственной территории». В реальности регион совсем не был советским, и это породило, с одной стороны, естественное сопротивление, с другой – появился феномен, когда на официальном уровне, публично дела показывались такими, какими они должны были быть, но далеко не были в действительности. Разница между настоящим и показным создала громадные «ножницы» между населением и властью. С первых дней советского режима жители Литвы очутились в двойственном мире – об одном мире писали газеты и говорилось по радио, в другом происходила реальная жизнь.

Перелом в сторону чисто советских стандартов был сделан в 1948–1949 гг., когда началась сплошная коллективизация (несмотря на то, что после войны безземельные крестьяне получали землю) и национализация, создание и пополнение комсомольских и др. организаций путем административного нажима, преследование религии и пр. Цель данной работы – анализ использования в процессе советизации Литвы некоторых составляющих послевоенной мобилизации советского общества, определение пробелов в индоктринации населения Литвы, а также последствий ускоренной советизации. Более подроб-

ного внимания заслуживают те эпизоды данного процесса, которые явно усложняли положение новой литовской политической элиты, заставляли ее лавировать, такие как внедрение культа личности Сталина и новое положение православия. Оба эти явления после войны стали инструментами в руках центральной власти, использовались для укрепления авторитета режима. Они могут быть примером того, что власти в центре, в Москве, были намерены в короткий срок навязать в ново-оккупированном регионе всесоюзный стандарт самовыражения, и не учитывали даже очевидного культурного отличия.

Как литовские коммунисты и население восприняли внедрение культа личности Сталина и как они встретили привилегированное положение православия в католической Литве? Оба эти элемента советской действительности были крайне неудобны для политической элиты Литовской ССР, она все же не могла игнорировать массовых настроений и не учитывать исторических и культурных границ.

Культ личности Сталина показался в Литве не сразу и без особого энтузиазма. Взгляд литовских коммунистов на проявления культа нетрудно проследить по публикациям органа КП(б) Литвы газеты «Тiesa» – пока в годы войны она издавалась в Москве, все текло в русле местной политической культуры, но когда редакция перебралась в Вильнюс, риторика стала сдержаннее. Первые лица советской Литвы – первый секретарь ЦК ЛКП(б) Антанас Снечкус и председатель Совета министров Мечисловас Гедвилас – в своих послевоенных текстах старались подчеркивать преимущества советской системы в «возрожденной Литве», имя Сталина в них появлялось редко и напоследок, как обязательное, в заключительных абзацах¹. Упоминание проявлений культа Сталина явно избегалось в литературе, предназначенной для литовцев, проживающих в эмиграции и лагерях для беженцев войны в Германии, Австрии. До 1948 г. в них находилось около 30 тыс. литовцев, к ним посылались эмиссары с миссией возвращения людей в «освобожденную» Родину, издавались брошюры и газета эксклюзивного качества. Интересно, что для лиц, оказавшихся за рубежом, политический фасад «новой» Литвы рисовался текстами и фотографиями отнюдь не Сталина или даже А. Снечкуса, а общественности, знакомых с предвоенных лет левых интеллигентов Ю. Палецкиса, М. Гедвиласа².

Такая казуистическая позиция была обусловлена несколькими причинами. Имя Сталина не могло вызывать положительных эмо-

¹ Sniečkus A. Lietuva kovoje prieš vokiškuosius okupantus. Maskva, 1944; Sniečkus A., Gedvilas M. Lietuvių tauta kovoje už laimingą ateitį. Vilnius, 1947.

² См.: Tėvynės balsas. Vilnius, 1947–1953; Bimba A., Prisikėlusī Lietuva. Brooklyn, 1946; Tarybų Lietuva paveikluose. Toronto, 1950.

ций у населения Литвы, оно ассоциировалось с довоенным образом большевизма – с колхозной нищетой и голодом, массовыми репрессиями, разрушением церквей. Воздержаться от чрезмерной адорации Сталина заставлял результат своеобразного плебисцита – предпринятая летом 1945 г. попытка ЦК ЛКП(б) продемонстрировать лояльность Сталину, послав ему «благодарность всех трудящихся литовцев» в связи с 5-й годовщиной «принятия Литвы в семью братских республик СССР», провалилась. Несмотря на «индивидуальное воздействие» и аресты, принудительная акция сбора подписей населения под текстом «благодарности» закончилась признанием, что она «оскорбила имя вождя нашей партии и народов»³.

С другой стороны, ЛКП(б) была маргинальной, не литовской партией (например, в 1947 г. литовцы среди ее членов составляли 18 % в 1953 г. – 38 %⁴), ей не хватало своих идеологов, образованных лиц, способных взяться за темы сталинского «учения» по-литовски. Пропаганда этого «учения» в Литве осуществлялась изданием переводов с русского языка брошюр небольшого объема, лекций, стенограмм. Такие издания объемом 20–30 страниц абсолютно преобладали до 1957 г., представляя собой некий стандарт знаний для нужд малообразованных агитаторов и пропагандистов. Об отношении более широкой общественности Литвы к открывшемуся пространству советской литературы говорит тот факт, что тиражи оставались на прилавках или складах (к 1948 г. непроданных книг тут накопилось на 15 млн руб.⁵).

Однако с приближением 70-летия Сталина (в конце 1949 г.) ситуация менялась – весь советский и просоветский мир с новой силой включился в эскалацию его культа. Когда в хоре восхвалений стали звучать голоса глав всех союзных республик и народных демократий, небольшие брошюры издали и Снечкус с Палецкисом (между прочим, только в 1950 г, наверняка дождавшись первых шаблонов)⁶. Палецкис старался возвысить преимущества советского строя, восхваляя сталинскую Конституцию, и только в самом конце брошюры публиковал собственные стихи «гиганту эпохи» – Сталину. Тем вре-

³ Pocius M. Vieningas lietuvių tautos atsakas J. Stalinui // Genocidas ir rezistencija. Vilnius, 1998. № 1 (3). С. 115–120; Tininis V. Sniečkus. 33 metai valdžioje. Vilnius, 2000. С. 78, 80.

⁴ Tininis V. Political Bodies of the Soviet Union in Lithuania and their Criminal Activities. Vilnius, 2008. С. 96.

⁵ Докладная записка отдела издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М. Сулову, 1948.06.14 // Советская национальная политика: идеология и практика 1945–1953: Сб. док. М., 2013. С. 78.

⁶ Sniečkus A. Didysis lietuvių tautos draugas. Vilnius, 1950; Paleckis J. Po Stalino Konstitucijos saule. Vilnius, 1950.

менем почти каждый параграф короткой брошюры (всего 8 листов, под заглавием «Великий друг литовского народа») Снечкуса начинался словами благодарности «великому», «дорогому товарищу», «вождю», «вдохновителю», «освободителю». Аналогичные эпитеты появились и в риторике академических кругов Литвы⁷. В периодике появилось множество стихов литовских поэтов, только в изобразительном искусстве Сталин все еще глядел с полотен союзных художников⁸. В 1948–1949 гг. в Литве появились первые памятники Сталину, его бюсты. «Главный» памятник на площади Вильнюсского железнодорожного вокзала был воздвигнут летом 1950 г. (одна из копий работ знаменитого московского скульптора Николая Томского⁹). Несколько памятников диктатору в этот период было воздвигнуто в других городах Литвы – в Каунасе, Зарасае, Клайпеде, Шяуляе. Они тоже были копиями эталонов уже воздвигнутых в СССР¹⁰.

То, что в СССР прижилось за почти три десятилетия советской власти, в Литве адаптировалось поспешно и поверхностно. Здесь не было дискуссий о будущем страны, этапа идеологического укрепления системы, внимания к более натуральному («местному») развитию политического и социального уклада. Хотя первые послевоенные годы прошли в некотором смятении и ожидании, в СССР не существовало альтернативных моделей общественного строя и мировоззрения. Население, в том числе потенциальные адепты нового режима, должны были подстроиться к элементам системы, спущенным сверху, и не могли ни показать, ни почувствовать себя творцами «новой Литвы».

Для идеологической индоктринации не хватало ни времени, ни аутентичного литовского содержания. Ежедневно слыша и читая похвалы советской власти и «великому Сталину» за приобретенную свободу, колхозный строй и пр., население не находило в публичном пространстве ответов на вопросы о принудительной советизации, судьбе репрессированных, т. е. на те вопросы, которые были известны и актуальны для каждой семьи. Нетрудно догадаться, о чем думали люди, читая в газетах, что колхозники Литвы украшают свои дома

⁷ Lietuvos TSR Mokslų Akademijos žinynas. VII sesija, skirta J.V. Stalino 70-mečiui. Vilnius, 1950.

⁸ Josifo Visarionovičiaus Stalino 70 metų amžiaus sukakčiai paminėti [Каталог юбилейной выставки в Вильнюсском государственном музее]. Vilnius, 1949.

⁹ Naujosios Vilniaus skulptūros // Tėvynės balsas. 1950. № 49. С. 1.

¹⁰ Antanavičiūtė R., Stalininis “penkmetis”: Vilniaus viešųjų erdvių įprasminimo darbai 1947–1952 m. // Menotyra. 2009. T. 16. № 3/4. С. 164, 161. В послевоенные годы за «тем» Сталина взялся всего один скульптор Пятрас Вайвада, создавший его бюст.

портретами Сталина¹¹, создают и поют песни о «заботе товарища Сталина Литвой, как при его руководстве процвела наша республика»¹². В народе, разумеется, распространялся антисоветский фольклор, слухи о будущем¹³. Миф о «гениальном вожде и учителе всех времен» был совершенно чужд для политической культуры Литвы и не мог выполнить свою функцию мобилизации населения. Как и в целом общесоюзное содержание пропаганды того периода – постулаты о «зажиточной жизни», дружбе народов или героическом сопротивлении немецким оккупантам во время Второй мировой войны – было далеко от реального опыта жителей Литвы.

Поспешное внедрение культа личности более чем наглядно демонстрирует разрыв между событиями повседневной жизни и пропагандой, искусственность последней, – система как бы пропустила этап последовательной индоктринации общества Литвы, вообразила ее одоратором Сталина и всего сталинского, советского. Вскоре это проявилось живучестью литовского «буржуазного» национализма, укрепленного таким мобилизационным фактором, как католицизм.

Другой пример размежевания пропаганды с реальными обстоятельствами и пониманием адекватных рычагов индоктринации были попытки союзной власти укрепить Православную церковь в Литве и использовать ее для снижения влияния католицизма. В послевоенные годы союзные инстанции моделировали схему снижения влияния враждебной Католической церкви, пытаясь заполнить образовавшееся пространство надежной «государственной» Православной церковью. Эта схема была довольно простой: тесно связанный с ликвидируемой буржуазной политической и социальной системой, а следовательно, «скомпрометировавшийся» католицизм должен был уступить место освободившемуся, наконец, из-под его «гнета» православия.

Классический марксизм-ленинизм утверждал, что при социализме религия – «опиум для народа» – отмирает. Но в Литве очень скоро стали отмирать только католическая вера и другие «мелкие»

¹¹ Ten, kur šeimininkavo Merkys // Tėvynės balsas. 1949. № 14. С. 3; Daina, pasklidusi po kraštą // Там же.

¹² Didysis Stalinas lietuvių liaudies dainose // Tiesa. Vilnius, 1953. № 70. С. 2. Такие псевдопоявления народной «сталинофилии» были механически адаптированы из других регионов СССР. Сотрудники сектора фольклора Института литовского языка и литературы обязаны были найти советский и партизанский фольклор, записывая как таковой подходящие стихи поэтов-любителей и фальсифицируя песни участников литовской резистенции (шире: Aleksynas K. "Tarybinės tautosakos" paieškos 1945–1947 metais // Tautosakos darbai. Vilnius, 1992. № 1 (8). С. 109–118).

¹³ Там же; Kerbelytė V. Komunistiniai vadai ir žmonių būseną Lietuvoje užrašytuose anekdotuose // Tautosakos darbai. Vilnius, 2009. № 38. С. 260–269.

вероисповедания. Тем временем православие стало укреплять свою структуру при явном участии союзной советской власти. Два действующих при СНК Литовской ССР уполномоченных (один по делам Русской православной церкви и другой – по делам всех других конфессий) получали разные директивы. В результате до начала антирелигиозной кампании, инициированной Н. Хрущевым в конце 50-х годов, Православная церковь в Литве не испытала больших преследований. Напротив, воспользовавшись благоприятными постановлениями союзного правительства и материальной помощью Московской патриархии, она восстановила свою структуру. В 1946 г. в Вильнюс торжественно были возвращены мощи трех православных святых и воссоздано святое место (мощи пребывали в России с 1915 г., выставлялись в антирелигиозных целях, несмотря на многократные просьбы дипломатов Литовской Республики и владыки Литовской православной епархии вернуть их), открыта в Вильнюсе духовная семинария, были отремонтированы церкви и монастыри, пострадавшие во время войны (женский монастырь вместе с церковью возродились из руин). Появились миссионерские проекты создать в Литве православное братство, архиепископ Корнилий и уполномоченный РПЦ при СНК ЛССР договорились осенью 1946 г. в одной из вильнюсских церквей проводить богослужение на литовском языке. Такого опыта Православная церковь в Литве еще не имела. Спешно был сделан перевод православной литургии, велись поиски священника, который мог бы отправлять богослужения и читать проповеди по-литовски¹⁴. Представители советской власти хлопотали по возврату православных церквей, которые в 20–40-е годы в Литве и Польше перешли в руки католиков; не было недостатка в священниках – они были назначены в храмы, которые посещали всего несколько десятков верующих (например, в Мариямполье – 37, Алитусе – 52, Побене – 89)¹⁵ и пр.

Все это происходило на фоне уничтожения других конфессий, в частности Католической церкви – католики до 1949 г. лишились всех мужских и женских монастырей, 3 из 4 духовных семинарий, десятками закрывались костелы, особенно в городах (особое место занял Вильнюс, где до 1960 г. было закрыто $\frac{3}{4}$ костелов, но сохранились все православные церкви; это стало преобразовать облик столицы Литвы – на одной из улиц старого города, кстати, названной именем

¹⁴ Информационный отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Литовской ССР А. Линева за III–IV кварталы 1946 г. // Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Ф. Р 238. Оп. 2. Д. 4. Л. 25.

¹⁵ Сведения о действующих храмах и причтах Литовской православной епархии за 1945 г. // ЦГАЛ. Ф. Р 238. Оп. 3. Д. 7. Л. 9.

М. Горького, можно было посетить три действующих православных храма и один костел, пройдя мимо четырех закрытых костелов, в том числе кафедрального).

Все же союзный Совет по делам Русской православной церкви должен был отказаться от вынашиваемых планов. Даже при его поддержке Православная церковь была не в состоянии соперничать в Литве по силе влияния с католицизмом. Сеть православных церквей была редкой – всего 44 прихода и 60 храмов. Священники и православные были русскоязычными, влияния на широкую общественность Литвы в отсутствие каких бы то ни было популярных, периодических изданий они иметь не могли. С другой стороны, проводя очень радикальную политику по уничтожению структуры Католической церкви, руководство Литовской ССР отнюдь не собиралось своими «успехами» делиться с какой-нибудь конфессией. Оно, по сути, блокировало усилия по укреплению православия, инициированные союзной властью, в своей религиозной политике руководствовалось опытом КПСС не послевоенных, а 20–30-х годов. Целью руководства Литвы было максимально ограничить влияние католицизма, дискредитировать его. Между тем протезирование православия не приносило ему никакой политической пользы, напротив, вызывало недовольство общественности и нежелательные вопросы¹⁶.

Осенью 1948 г. властям Литовской ССР, видимо, удалось убедить союзное правительство отказаться от потенциала Православной церкви в борьбе с влиянием католицизма. Одним из главных результатов этого периода следует считать утверждение благоприятного политического образа этой церкви. Ответственные должностные лица Литвы не скрывали мнения, что Православная церковь «менее вредна» для государственных интересов, нежели католическая.

* * *

В послевоенный период советский режим не слишком вникал в культурные особенности вновь оккупированной Литвы. Властям в Москве хотелось верить, что такая маленькая территория без промедления перестроится в советскую социалистическую республику. Первая годовщина советской власти в 1945 г. с соответствующими торжествами отмечалась как 5-я, хотя в секретной переписке признавалось, что в половине сельской местности Литвы органов советской

¹⁶ Подробнее: Laukaitytė R. Stačiatikių Bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje. Vilnius, 2003. С. 111–148.

власти вообще еще не существует¹⁷. Этот пробел между действительным и желаемым, показным на официальном уровне, или игнорирование действительности во имя пропаганды, возмещался репрессивными мероприятиями, устрашением, бюрократической перепиской, но тем самым позволил населению в некоторой степени избежать настоящей последовательной индоктринации.

Не позволив местному просоветскому активу укрепить какие-либо значимые национальные особенности в облике ЛССР – такие как общественные организации местного происхождения, сохранение существующей структуры и авторитета католицизма, свободы вероисповедания, собственности на землю и пр., советский режим лишился более мощных рычагов влияния на население через близкую ему среду. Даже высокопоставленные лица новой политической элиты Литвы в самом начале советской оккупации представляли себе большую преемственность элементов самостоятельности страны (от суверенного законодательства до прежнего гимна или цветов национального флага, баланс приезжих и национальных «кадров» и т. д.).

Как следствие пренебрежения национальной спецификой, социальная база советского режима, когда почти каждая семья была задета репрессиями, была узкой и условной. Пропагандистский пафос помог пройти мимо этой проблемы, но не навсегда – советский идеологический нажим не вытеснил «буржуазного национального» менталитета, и последующие поколения без труда осознали принадлежность к собственной нации, вплоть до потребности возвращения более приемлемой формы государственности.

¹⁷ Докладная записка комиссии ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову, 1945.08.03 // Советская национальная политика: идеология и практика. 1945–1953. С. 593.